

КОЛЫБЕЛЬ РУССКОГО
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТЕАТРА
НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ
КОНСТАНТИНА
СТАНИСЛАВСКОГО

ВИШНИ ИЗ ЛЮБИМОВКИ

Ольга Фукс

В АРКЕ ПОЛУРАЗВАЛИВШЕГОСЯ
ДОМИКА В УСАДЬБЕ
ЛЮБИМОВКА БЛИЗ
ПОЛУСТАНКА ТАРАСОВКА,
НА МАЛЕНЬКОЙ СЦЕНКЕ
С ЗАНАВЕСЬЮ ИЗ ПЛЕДОВ
ДАВАЛИ СПЕКТАКЛЬ «ЧЕТЫРЕ
ВРЕМЕНИ ГОДА». РОЛЬ ЗИМЫ
ИСПОЛНЯЛ ТО ЛИ ТРЕХ-
, ТО ЛИ ЧЕТЫРЕХЛЕТНИЙ
КОСЯ АЛЕКСЕЕВ В ШУБЕ,
ШАПКЕ, С СЕДОЙ БОРОДОЙ И
НЕПОСЛУШНЫМИ УСАМИ.

Главной декорацией служила срубленная ель, обложенная ватой. Сценический дебют запомнился будущему основателю МХТ неловкостью от бессмысленного бездействия на сцене (страх перед ним так и не прошел до конца жизни) и радостью от аплодисментов. Перед юным актером зажгли всамделишный костер, в руки дали деревяшку, которую он как будто бы должен был совать в огонь, и строго-настрою запретили совать ее туда по-настоящему. Но упрямый Коса отверг условный театр и заиграл «до полной гибели всерьез» – сунул деревяшку в огонь. Вата вспыхнула, пришлось дать занавес и ликвидировать последствия театрального реализма. Через некоторое время старенький флигель развалился, и Сергей Владимирович Алексеев, уступив уговорам детей и соседей, построил на том же месте новое здание с большой залой для домашних спектаклей, с уборными для актеров. Впрочем, жадный до игры Коса не всегда довольствовался этой сценой – иногда спускался к станции, передевшись нищим или цыганом, и

наслаждался, когда сторожа гнали его с партнером, – значит, играл хорошо. Свою любимовскую театральную молодость Константин Сергеевич описывает так: «Дело было летом, мы, актеры, жили все вместе, безвыездно, в Любимовке. Поэтому можно было без конца репетировать, а потом и играть при первом удобном случае... Встанешь, бывало, утром, выкупаешься и – сыграешь водевиль. Потом позавтракаешь и – сыграешь другой. Погуляешь, опять повторишь первый. А там, смотришь, вечером кто-то приехал в гости, мы к нему: – А не хотите ли, мы вам сыграем спектакль? – Хочу, – ответит приезжий».

Любимовка (в прошлом сельцо Любилки) была частью огромного имения княгини Трубецкой и князя Белосельского, затем ее выделили в самостоятельное владение. Сменив многих хозяев, оно перешло в собственность Алексеевых. Главный дом усадьбы существовал еще до наполеоновского нашествия, и французы не смогли захватить его – прилегающий берег Клязьмы охраняли казаки. Здесь бывали многие деятели русской культуры, здесь Чехов, приглашенный Станиславским погостить, работал над «Вишневым садом» – и гудок паровоза из соседней Тарасовки нашел свое место на страницах его пьесы-завещания. Правда, никакого вишневого сада не было – в здешних краях вишня не может хорошо вызреть. Зато росли сосновый бор и березовая роща, посаженная дедом Константином Сергеевичем. В начале революции Любимовку наци-

*Amet alisim irit nostrud er am quisim incilisisi.
Ut at volorem num il in ute doluptatie*

онализировали. В разное время здесь располагались дом отдыха имени Калинина, детский дом для испанских детей, военный госпиталь, общежитие барачного типа для рабочих кондитерской фабрики имени Бабаева. В 1980-е годы то, что осталось от Любимовки, вернули театральным деятелям – Союзу театральных деятелей еще существовавшего СССР, – откликнувшись на горячий призыв Олега Ефремова.

Сегодня вокруг осколка некогда огромной усадьбы разросся коттеджный поселок «Любимовка», который рекламируют не как только природный рай, но и как возможность припасть к культурным истокам. Те самые дачи, ради которых хватил топором по вишневному саду Лопухин. Гораздо тяжелее выживает, выкарабкивается из барачно-советского периода та Любимовка, которую все-таки оставили театру. Впрочем, те, кто двадцать лет поддерживает здесь жизнь, смотрят в будущее с оптимизмом. Рассказывает директор фонда Станиславского Зейнаб Сеид-заде:

– После перестройки местная администрация стала активно распродавать землю. И когда стало очевидно, что надо сохранить хоть какой-то кусок, Олег Николаевич обратился к президенту Горбачеву с просьбой возродить эту территорию для театрального сообщества. Тогда в рамках СТД существовал Центр Станиславского, который возглавил Олег Николаевич и который распался вместе с СССР. Возникла угроза, что с распадом Центра мы потеряем и Любимовку – слишком многие перехватывали, перепродавали какие-то участки. Мы неустанно добивались сохранения Любимовки. При активной помощи Натальи Гундаревой, Игоря Костоловского, Александра Свободина и других знаковых театральных людей. Да что там – мы до сих пор судимся с

двумя фиктивными покупателями, хотя у нас давно уже оформлены все документы на Любимовку. Тогда речь не шла о восстановлении – только о сохранении. Бывший губернатор Московской области Борис Громов выделил нам деньги на оформление документов и на то, чтобы мы отгородились от случайных набегов. И хотя все суды мы выиграли, это отнимает огромное количество сил. Из 40 гектаров усадьбы, которыми владели Алексеевы, мы сохранили 7,5.

Мы видим, как процветает коттеджный поселок – точно в Англию попали, но и театральная Любимовка с божьей помощью и помощью меценатов потихоньку восстанавливается. Очень помог нам Роман Абрамович – узнал, как мы долгие годы перебивались с хлеба на квас, и пожалел нас. На сегодняшний день мы постепенно подводим сюда «цивилизацию», восстановили абсолютно разрушенное здание домашнего театра, сделали в нем репетиционную базу и уже проводим лаборатории. Здесь начинал репетиции «Божественной комедии» Эймунтас Някрошюс, здесь же он и планирует их продолжить. Те, кто видел первую часть, со-

ER SE DIO COMMOLORE
MAGNA COR ADIPISIS
AUTAT, SI TET UTE FEUISSE
QUAMETUE DIP ET VOLORE
DIGNIAT ALIT ALIS EUM
DO ETUM QUI SCILLA CON
HENT ALIT LAOR AUT
VULLAM ET DUNT INIS

гласяся со мной – это одно из его самых ярких режиссерских открытий, а может, и открытие нового театрального направления! У нас довольно много планов, связанных с этим местом. В частности, мы ведем переговоры с Мартином Вуттке, Бобом Уилсоном и другими выдающимися деятелями. Конечно, не все подлежит восстановлению. Дом самого Станиславского буквально исчез. Помню, в 1992 году мы нашли спонсора из «Диалог-банка» (он состоял в каком-то дальнем родстве с Алексеевыми) и вместе с Олегом Николаевичем привезли его в Любимовку. И... не обнаружили дома Станиславского. Буквально накануне его растащили, разобрали – якобы в нем завелся жучок, а на самом деле – чтобы легче

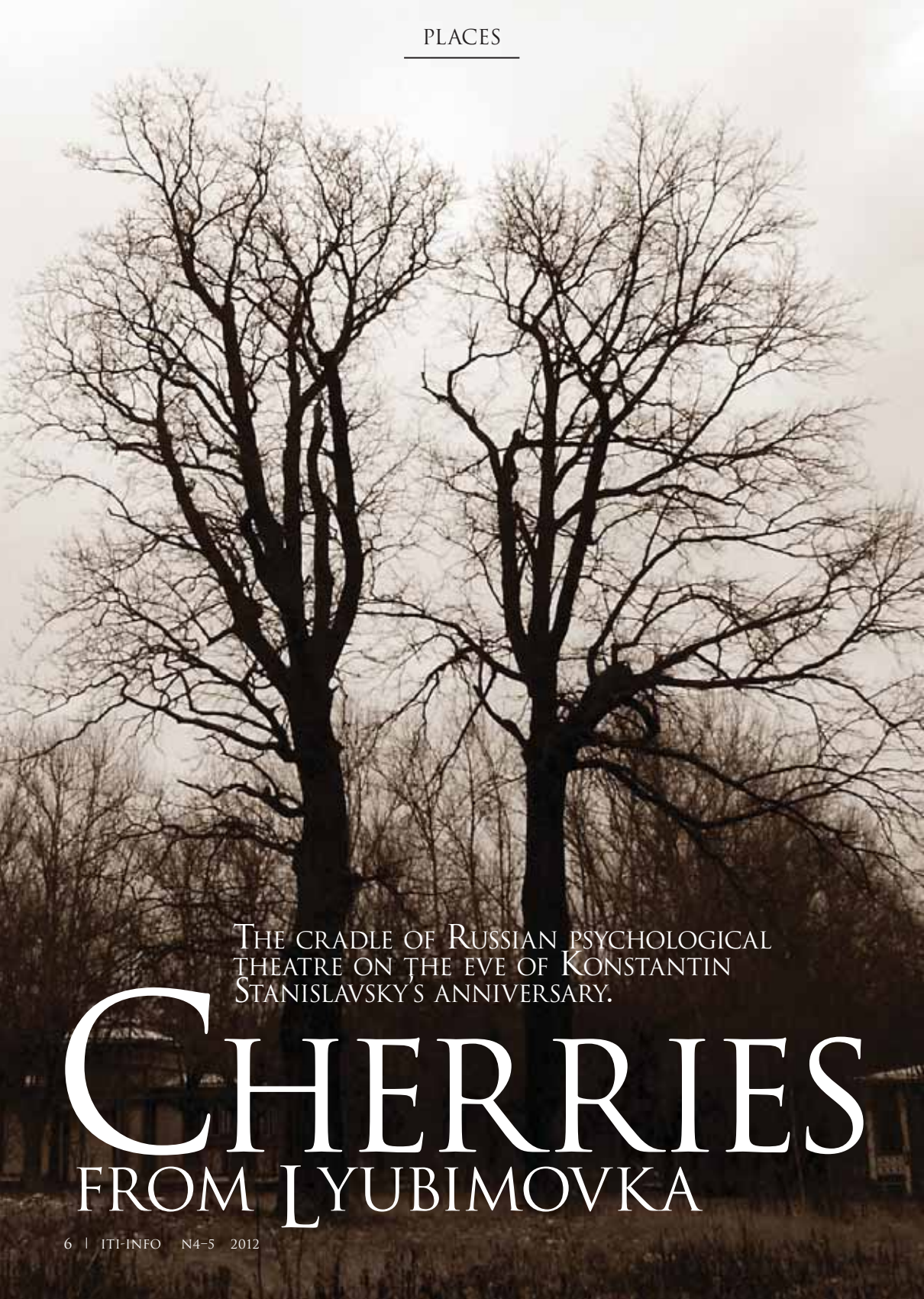
было распродавать участки. Зато остался летний театральный павильон, купленный в Нижнем Новгороде, в котором, кстати, демонстрировалась знаменитая алексеевская парча – ее делали до 1917 года на золотоканительной фабрике (теперь там расположена «Студия театрального искусства» под управлением Сергея Женовача, руководителя нашего фестиваля). Остались флигель и часовенка, где венчались Станиславский и Лилина. Остался и дом брата Константина Сергеевича. Он подлежит реконструкции, на которую выделены деньги Министерством культуры. Пять лет назад я начала обивать пороги, напоминая о предстоящем юбилее. И только в этом году что-то сдвинулось. Правда, до юбилея остается четыре месяца – и до сих пор неясно, когда начнутся реставрационные работы.

Выяснилось, что сохранились кое-какие личные вещи Станиславского, Чехова. Окрестные жители разобрали, купили – но теперь они готовы нам все вернуть. И следующей нашей задачей станет воссоздание исторического помещения, реставрация подлинной мебели.

А вот вишневым сад, который сейчас растет в Любимовке, – плод нашей с Олегом Николаевичем фантазии. В 2001 году мы пришли с этой фантазией к Валерию Шадрину и предложили в рамках Всемирной театральной олимпиады устроить эту акцию и посадить здесь вишневым сад, символ нашей культуры. 150 самых ярких представителей мирового театра (Петер Штайн, Роберт Уилсон, Эймунтас Някрошюс,

*Amet alisim irit
nostrud er am
quisim incilisisi.
Ut at volorem num
il in ute doluptatie*

THE CRADLE OF RUSSIAN PSYCHOLOGICAL THEATRE ON THE EVE OF KONSTANTIN STANISLAVSKY'S ANNIVERSARY.

CHERRIES

FROM LYUBIMOVKA

Olga Foux

THE PRODUCTION OF “THE FOUR SEASONS” WAS BEING PERFORMED ON A SMALL STAGE, WITH THE CURTAIN MADE OF THROW BLANKETS, UNDERNEATH THE ARCH OF A DILAPIDATED COTTAGE AT THE LYUBIMOVKA ESTATE, NEAR THE TARASOVKA WAY STATION. A THREE- OR FOUR-YEAR-OLD KOSTYA ALEXEYEV, DRESSED IN AN OUTFIT THAT CONSISTED OF A FUR COAT, A HAT, A GREY BEARD, AND AN UNRULY MOUSTACHE, WAS PLAYING THE PART OF WINTER.

The main stage scenery was a cut spruce, covered with cotton wool. The future founder of the Moscow Art Theatre remembered his stage debut as an experience of discomfort from the unreasonable inactivity on stage (that fear of inactivity remained with him for the rest of his life) and the joy from applause. The young actor was placed in front of a real fire and given a piece of wood, which he was to use to pretend to stoke it. He was strictly forbidden from actually putting the wood into the flame. But stubborn Kostya rejected conditional theatre and began playing “in earnest to tragedy with tragic end”, and placed the wood into the fire. The cotton wool caught fire; they were forced to drop the curtain and clean up the aftermath of theatrical realism. A short time later, the old outbuilding fell apart, and Sergei Vladimirovich Alexeyev gave in to the persuasions of his children and neighbours and constructed a new building in the same place, adding a large audience hall for home productions and dressing

rooms for the actors. Kostya, who was eager to perform, did not always use that stage, however. He would occasionally go down to the train station dressed as a beggar or a Gypsy, and delighted whenever the watchmen would chase him and his partner away – that meant his acting was good. This is how Konstantin Sergeyeovich described his theatrical youth in Lyubimovka: “It was summertime. All of us, actors, lived together in Lyubimovka without ever leaving the place. That’s why we could rehearse for hours on end and then play at the first opportunity... You’d get up in the morning, take a swim and perform in a vaudeville production. Then you’d have your breakfast and perform in another. Take a little walk and repeat the first one. And then in the evening some guests might come for a visit, and we’d all go to them: ‘Would you like us to give you a performance?’

‘I would,’ the guests would say.”

Lyubimovka (formerly a small village by the name of Lyubilki) was part of an enormous estate of Duchess Trubetskaya and Prince Beloselsky. It was later detached as an independent estate. It changed many hands and finally became the property of the Alexeyev family. The main house of the estate was built even before Napoleon’s invasion, and the French were unable to capture it – the adjoining bank of the Klyazma River was protected by the Cossacks.

Many of Russia’s famous cultural figures visited Lyubimovka over the years. Chekhov was invited here by Stanislavsky, and it was here that he worked on “The Cherry Orchard” – and the whistle of a steam engine from the nearby Tarasovka found its place on the pages of his play, his last will and testament. Of course, there was no cherry orchard here –cherries cannot ripen well in these parts. But there were a pine forest and a birch grove, planted by Konstantin Sergeyeovich’s grandfather.

Lyubimovka was nationalized at the beginning of the Revolution. At various times, the place was occupied by the Kalinin Rest Home, an orphanage for Spanish children, an army hospital, a barrack-type dormitory

ER SE DIO COMMOLORE
MAGNA COR ADIPISIS
AUTAT, SI TET UTE FEUISSE
QUAMETUE DIP ET VOLORE
DIGNIAT ALIT ALIS EUM
DO ETUM QUI SCILLA CON
HENT ALIT LAOR AUT
VULLAM ET DUNT INIS

for the Babaev Chocolate Factory workers. In 1980, in response to Oleg Efremov's passionate appeal, whatever was left of Lyubimovka was returned to theatre workers – the Union of Theatre Workers of what was still the USSR.

Today, the tiny fraction of a sometime enormous estate is surrounded by the “Lyubimovka” cottage settlement, which is advertised as not only a nature's paradise but as an opportunity to get closer to the cultural origins. It is those same dachas that had Lopakhin take an axe to the cherry orchard. The part of Lyubimovka that was finally returned to theatre is having a much harder time surviving and fighting its way out of the Soviet barrack-type past. Those who have been keeping the place alive for

the past twenty years, however, have an optimistic outlook on the future. Zeinab Seid-Zade, the Stanislavsky Fund director, tells the following about the situation:

“Following Perestroika, the local administration began actively selling the land. And when it became clear that we needed to preserve at least some part of the estate, Oleg Nikolaevich turned to President Gorbachev with the request to revive this territory for the theatre community. Back then the Union of Theatre Workers included the Stanislavsky Centre, which was headed by Oleg Nikolaevich and which fell apart along with the USSR. There was a danger that the loss of the Centre would also bring about the loss of Lyubimovka – too many people were taking over and reselling various parcels. We were tirelessly pressing for the preservation of Lyubimovka. And we were greatly assisted by Natalia Gundareva, Igor Kostolevsky, Alexander Svobodin, and other iconic theatre figures. And even so, we are still in the midst of litigations with two fictitious buyers, though we have long obtained all the necessary documents for Lyubimovka. Back then, the issue at hand was not restoration, only preservation. Boris Gromov, the former governor of the Moscow Region, allocated us money to prepare the documents and to protect us from random incursions. And even

*Amet alisim irit nostrud er am quisim incilisisi.
Ut at volorem num il in ute doluptatie*

though all the judgments were on our side, it still takes up a lot of time and effort on our part. Out of the estate's 40 hectares that the Alexeyev family owned, we managed to preserve 7.5.

We see that the cottage settlement is thriving – it's as though we find ourselves in England when we go there. But theatrical Lyubimovka is gradually restoring itself as well, with the help of God and sponsors. Roman Abramovich has helped us a lot. He found out that we lived from hand to mouth for so many years, and he felt sorry for us. At the moment, we are gradually bringing “civilization” to this place. We have restored the completely demolished home theatre building; this is where we have our rehearsals now, and we are already conducting workshops. This is where Eimuntas Nekrosius began rehearsals for the “Divine Comedy”, and this is where he plans to continue them. Those, who have seen the first part, will agree with me that this is one of his brightest directorial discoveries and maybe even the discovery of a new theatrical direction! We have quite a few plans for this place. Specifically, we are currently in negotiations with Martin Wuttke, Bob Wilson and other prominent figures. Not everything is restorable, of course. Stanislavsky's own house has virtually disappeared. I remember in 1992 we found a sponsor from “Dialogue-bank” (he was some distant relative of the Alexeyev family), and Oleg Nikolaevich and I brought him to Lyubimovka. And... we didn't find Stanislavsky's house. It was ransacked, pulled apart virtually on the eve of our arrival. Supposedly it got infested by some bug. In reality, though, they only did it to make it easier to sell out parcels.

Some things did remain, though. Such as the summer theatre pavilion, acquired in Nizhny Novgorod, for example, which is

*Amet alisim irit nostrud er am quisim incilisisi.
Ut at volorem num il in ute doluptatie*

where the famous Alexeyev brocade was displayed, by the way. Prior to 1917, it was sown at the gold-thread factory (it is now home to the Theatre Art Studio under the direction of Sergei Zhenovach, our festival director). The outbuilding and the chapel, where Stanislavsky and Liliana were married, remained as well.

So did the house of Konstantin Sergeyevich's brother. It is due for reconstruction, and the Ministry of Culture has allocated money for that purpose. Five years ago I began beating down doors, reminding people about the upcoming anniversary. And it was only this year that things finally got off the ground. There are four months left before the anniversary – and it is still unclear when the restoration work will begin.

It turned out that some of Stanislavsky's and Chekhov's personal things remained intact. Local residents have taken them all, bought them – but now they are ready to return them to us. And our next task will be to recreate the historical facility and to restore authentic furniture.

The cherry orchard that is currently growing in Lyubimovka is the fruit of Oleg Nikolaevich

